

В ЭТОТ жаркий летний день в каком-то дальнем селе кто-то мечтает перебраться в город: там есть то, чего нет в дальнем селе. А еще кто-то прикидывает, как бы из маленького города перебраться в большой, где есть то, чего нет в маленьком.

Во Львове есть все. И где работать, и где учиться, и где отдыхать, и с кем знакомиться. Но это не просто большой город, это город большой культуры, которая создавалась веками. С каким уважением мы говорим о Львове, все будет мало. И львовское лето содержит «что угодно для души»: играют театры, в цирке выступают слоны, в Зеленем театре одного из многочисленных львовских парков приезжие эстрадные бригады следуют одна за другой. А на музыкальной эстраде все лето дает бесплатные концерты симфонический оркестр, исполняя программы не слишком сложные, но и не однообразно-«доступные», составленные любовно и изобретательно. Кинотеатров много, в кино попасть легко. На танцы — тоже.

Библиотеки, музеи, лектории — все в полном порядке. Так же как и стадионы, спортплощадки и «пятячок» футбольных болельщиков в центре города.

Наконец, всегда к вашим услугам главное зрелище Львова — сам этот уникальный город, который весь в целом дает больше сильных впечатлений, чем любой из его «очагов культуры» в отапливаемости.

Во Львове всего много. Ах, если бы этого было достаточно!

Во Львове я познакомился с людьми, составляющими активную культурную среду. Что значит «активную»? Это значит, что их так называемое свободное время до предела заполнено «игрой» интеллектуальных и духовных сил, увлечений и замыслов. Если эти люди ничего сегодня не прочитали, не увидели, если в них ничего не «вошло», — это они переживут довольно спокойно. Но если в течение дня они сами ничего не придумали, не осознали, не «выдали», — у них будет ощущение пустоты, потери, а некоторые даже начнут мучи-

тельно размышлять: может, это уже старость, может, они уже «опускаются»...

Такие люди есть везде — и в Москве, и в Пензенской области, и в Красноярском крае. В дальних селах и в маленьких городах. Естественно, что они есть в большом городе Львове. Удивительно же то, что их во Львове сравнительно немного, что их влияние на духовную и культурную атмосферу города недостаточно заразительно.

Вот футбольные болельщики, которые собираются на своем «пятячке». Я обнаружил поразительную вещь: некоторые из них остаются там и в то время, когда идет матч! Любовь к футболу у них сильнее, чем сам футбол. И это не парадокс, не курьез: приобщившись к покорившему их искусству (футбол — это театр, как пишет Юрий Власов, «театр большого спорта»), они и в себе открыли художников (болельщик на «пятячке» — это актер своего собственного театра).

А вот болельщики кино такого «пятячка» не имеют. Кинотеатров много, а кино клубов нет. Значит, отношения у кино с публикой остаются чисто коммерческими. Возможность личного выбора, индивидуального участия в культуре ограничивается.

Я НЕ знаю всех проблем культурной жизни Львова, но с двумя из них столкнулся. Первая — это судьба художественных памятников; их не могут сохранить специально уполномоченные лица, потому что художественным памятником является весь Львов. Городские мальчишки, которые не склонны верить в бога и даже не озбочены вопросом, есть ли он вообще, усвоили из окружающей их антирелигиозной пропаганды только одно: костелы и церкви — это «плохо». Стекла в жилых домах бить нельзя, а в ренессансной капелле Боймов 1617 года — можно. Если оборвать электрический звонок на чьей-нибудь квартире — тебя поймут и накажут, а если сбить с фасада старинного дома статую мадонны — ловить тебя никто не станет. Кроме несознательных мальчишек, так же рассу-

дают некоторые сознательные взрослые. Работники львовских музеев буквально плачут. Но плачут «в своей среде», этот плач в некотором роде есть содержание их внутреннего мира. Сказать же об этом громко, во всеуслышание, поднять, так сказать, общественность, повлиять на ее коллективное мнение — этого пока нет. А это было бы не только уроком и пропагандой, мерой воздействия и «новой формой защиты художественных ценностей». Это стало бы для многих жителей города открытием нового мира — не мира старинных реликвий, а мира современных людей, для которых все это живо и дорого.

Вторая проблема — это недавно начавшийся процесс (медленный, но верный) обновления львовских театров, их художественного языка и эстетических вкусов. «В своей среде» об этом тоже говорят, этим живут, это переживают. Зрители же в значительной своей части в этом процессе не участвуют. Они смотрят, «что дают». В результате люди нетворческие, отсталые, набившие руку на дешевых штампах, всегда могут сослаться на «хороший прием у зрителей». И никто — ни пресса (говорящая о всяких поисках), ни управление культуры исполкома (поддерживающее тех, кто ищет новое), ни сами молодые артисты, стремящиеся к обновлению, — не заботятся о создании атмосферы вокруг того, что создается артистами и художниками. Конечно, собственный вкус и разум человеку не заменит даже самый деятельный просветитель. Но все, что есть в городе, — улицы и дома, средства информации и органы общественного мнения — все это может быть активным и пассивным: подстегивать мысль и чувство или просто «соответствовать своему назначению».

В разгар лета Молодежный театр имени Горького показал во Львове премьеру — «Марат Казей». Это пьеса про белорусского школьника, который помогал партизанам в

дни войны и погиб как герой. Мальчик был замечательный; пьеса — беспомощная, не художественная, попавшая в репертуар только потому, что театру нужно было выпустить героико-романтический спектакль, и руководство рассудило, что раз Марат был героем, то любую пьесу и любой спектакль про него можно будет записать в отчет по графе героической романтики, и никто не посмеет возразить. А смотреть все равно будут дети, приходящие организованно под руководством учителей, так что как-нибудь обойдется, «а уж в следующий раз сделаем что-нибудь настоящее».

Спектакль (постановка А. Ротенштейна) был ниже всякой критики. Практически он еще хуже пьесы, потому что у режиссера в распоряжении есть, кроме текста, много других средств театральной выразительности, а здесь не было даже просто живой человеческой заинтересованности в судьбе мальчика-героя.

На обсуждении спектакля «в своем кругу» все это так или иначе было сказано. В ответ режиссер произнес поразительную речь, где с хорошо гренированным темпераментом уверял, что просто «горел» на этой работе, что надо смотреть глубже, что во Львове нет квалифицированной критики...

Но работник управления культуры, который вел обсуждение, не поддавался. Точно, сдержанно, с полным знанием дела, он охарактеризовал то, что было показано, как явную липу, как попытку спрятать творческую беспомощность за «актуальную тематику». Я думаю, на основании обсуждения я, в частности, на основании данного выступления, что квалифицированная критика во Львове все-таки есть. Но позвольте вернуться к вопросу об «атмосфере вокруг».

Этот спектакль, конечно, выйдет в свет (а то еще режиссер скажет, что подавляют его индивидуальность), теперь уж ничего не поделаешь. Про него, возможно, будут написаны объективные рецензии. Все крити-

ки спектакля, в том числе и из управления культуры, останутся при своем мнении, но мнение это оставят «в своем кругу». А в результате ребята будут думать, что унылое зрелище, примитивное по сравнению с любым фильмом, на который можно попасть когда угодно за десять копеек, — это и есть то самое театральное искусство, которое они обязаны уважать, как старушку в трамвае. Но представьте, что управление культуры или обком комсомола устроили бы из премьеры Молодежного театра открытый и непредвзятый диспут. Раздали бы опросные листы, предложили бы высказаться всем, кто хочет, провели бы даже голосование.

Спектакль очевидно, остался бы в репертуаре, такая задача — «прикрыть» — не ставилась бы. Но зато это открыло бы глаза многим людям и на сам спектакль, и на интересность и важность не только театрального искусства, но и разговоров о театре, восприятии театра. Многие поняли бы, как (и что) нужно брать в театр, а в результате, между прочим, театр стал бы и давать больше, чем он дает сейчас. Можно представить, что такое необычное (необычность — важное условие всякого нового дела) обсуждение помогло бы создать в будущем «пятячок» также и театральных болельщиков.

А ПРИ чем тут «лето высокого вкуса»? А при том, что лето, летний отдых в городе активной культуры всегда проходит веселее, содержательнее и разнообразнее, чем в городе «просто культурном», даже если в первом останутся на лето только танцплощадка, а во второй свезут всех мастеров всех искусств.

В этот жаркий летний день кому-то то мнительно скучно в большом городе, а кто-то счастлив в дальнем селе и не задумывается «без культуры», потому что его культура всегда при нем.

А. АСАРКАН.

Львов — Москва.

Комсомолец, 1966, 2 абз